

Молодые мигранты из Узбекистана в Московском регионе в перспективе расширения ЕАЭС

Е. Ю. Киреев¹, М. А. Рахимова², В. С. Новикова¹

¹ Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Российская Федерация, 119333, Москва, ул. Фотиевой, 6

² Ташкентский государственный юридический университет, Республика Узбекистан, 100047, Ташкент, ул. Сайилгох, 35

Для цитирования: Киреев Е. Ю., Рахимова М. А., Новикова В. С. Молодые мигранты из Узбекистана в Московском регионе в перспективе расширения ЕАЭС // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 3. С. 332–347.

<https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.305>

Одним из существенных достижений десятилетнего функционирования ЕАЭС стало снятие барьеров для трудовой мобильности в пространстве границ стран — членов Союза. Одной из стран, которая получила статус страны-наблюдателя в формате ЕАЭС, стал Узбекистан. Мигранты из Узбекистана занимают доминирующее положение на рынке труда России и Московского региона. Перспектива упрощения доступа к миграционным возможностям для осуществления трудовой деятельности в России для граждан этой страны по-новому актуализирует вопрос об изучении данной этнической группы, особенно в условиях несоразмерности имеющихся эмпирических данных и относительно небольшого числа публикаций в научных изданиях. В рамках данной статьи на основе проведенного социологического исследования авторы предпринимают попытку дать характеристику межпоколенческих различий внутри молодежной группы мигрантов из Узбекистана, которые осуществляют свою трудовую деятельность в Москве и Московской области. Кроме того, авторы оценивают интеграционные процессы в формате ЕАЭС с точки зрения узбекских мигрантов. Авторы отмечают сложность проведения социологических опросов данной группы по причине языкового барьера и ее закрытости. Результаты опроса указывают на наличие выраженных межпоколенческих различий внутри молодежной группы мигрантов из Узбекистана в контексте причин миграции, сферы приложения профессиональных усилий, ценности и идентичности, досуговых практик, оценки миграционной политики. Также авторы делают вывод об общем одобрении молодыми мигрантами из Узбекистана интеграции их страны в пространство ЕАЭС и о связанных с этим ожиданиях улучшения их жизни. Однако отмечается также, что для молодых мигрантов высока привлекательность альтернативных форматов интеграции в Евразии.

Ключевые слова: мигранты, молодежь, трудовая миграция, межпоколенческие различия, ЕАЭС.

Введение

Договор о формировании Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) был подписан в Астане в 2014 г.¹, таким образом 2024 г. подводит итог десятилетию функционирования этого интеграционного объединения. За это время состав участников евразийской интеграции расширился, на сегодняшний день ЕАЭС образуют пять стран-членов и три страны-наблюдателя. Одним из главных достижений функционирования Союза стало существенное упрощение мобильности и трудовой деятельности на его пространстве, возможностей для пересечения границ, трудоустройства и получения образования для граждан стран — участниц интеграции. При этом Россия выступала основной страной притяжения трудовых и образовательных мигрантов из этих стран. Авторский коллектив на протяжении последних пяти лет проводил социологические исследования молодежи, прибывающей в Россию из стран Центральной Азии, Армении и Беларуси.

Как уже было отмечено, одним из видимых преимуществ интеграции в формате ЕАЭС стало упрощение барьеров для трудовой мобильности в пространстве Союза, что является привлекательным аргументом для государств, желающих к нему присоединиться. Одной из таких стран является Узбекистан, который получил статус страны — наблюдателя ЕАЭС в 2020 г.

В Российской Федерации узбекские трудовые мигранты составляют одну из крупнейших диаспор. Согласно данным, предоставленным Министерством внутренних дел РФ, за период с начала января до конца сентября 2021 г. было зарегистрировано 3 374 758 случаев внесения узбекистанцев в миграционный учет. Это число превышает на 1 436 623 количество регистраций мигрантов из государств — участников ЕАЭС, которые имеют преимущества для перемещения в рамках этого регионального блока².

По оценкам Министерства занятости и трудовых отношений Узбекистана, 2 млн, или почти 20 %, из свыше чем 36 млн чел. населения Узбекистана являются постоянными рабочими мигрантами, причем 80 % работают в России³. Между Россией и Узбекистаном действует Соглашение об организованном наборе и привлечении граждан Республики Узбекистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации. Также 11 декабря 2020 г. на заседании Высшего Евразийского экономического совета было принято решение о статусе Узбекистана как страны — наблюдателя ЕАЭС. Несмотря на действующие соглашения, стоит отметить, что, по данным Агентства по внешней трудовой миграции Узбекистана, в первой половине 2022 г. поток мигрантов, отправляющихся на заработки в Россию, на фоне осложненной геополитической ситуации и санкций в отношении России со стороны мирового сообщества снизился в 5,6 раз. В то же время значительно выросли показатели трудоустройства в Республику Корея

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014; ред. от 24.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 31.05.2024).

² Отдельные показатели миграционной ситуации в РФ за январь — сентябрь 2021 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/26510325/> (дата обращения: 31.05.2024).

³ Ташкент выступил за внедрение механизмов организованного набора трудовых мигрантов в СНГ // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13130225> (дата обращения: 31.05.2024).

(2687 человек). Также новыми направлениями для официальной трудовой миграции из Узбекистана стала Сербия — 410 человек, и Германия — 31 человек⁴.

Следует подчеркнуть, что, согласно постановлению Правительства РФ, принятому 10 ноября 2022 г. (№ 2035), началась реализация пилотного проекта. Этот проект направлен на привлечение узбекистанских граждан для временной работы в российских компаниях, действующих в области строительства, агропромышленного комплекса и текстильной промышленности⁵. В результате этого постановления были сняты ограничения на число узбекистанских трудовых мигрантов, привлекаемых через организованный набор для работы в указанных отраслях, а также отменено условие обязательной вакцинации.

Если раньше число мигрантов из Узбекистана в рамках проекта организованного набора не должно было превышать 11 тыс. чел. (1100 — в агропромышленном комплексе и 10 тысяч — в строительстве), то изменения, внесенные названным выше постановлением, снимают ограничения на число мигрантов, изменились медицинские требования к нанимаемым работникам из Узбекистана, российские работодатели теперь должны будут в течение пяти дней сообщить через единую цифровую платформу «Работа в России» о въезде и выезде мигрантов из страны, получении ими патента и заключении трудового договора.

Но при этом граждане Узбекистана чаще покидают Россию⁶. Например, для сравнения возьмем один и тот же период — с января по август — в 2021 г. в Россию въехало 35,7 тыс. человек, а выехало 19,9 тыс., то есть миграционный прирост составил почти 16 тыс. чел., а в 2022 г. за тот же самый период в Россию въехали 33,9 тыс. чел., а покинули ее 47,6 тыс. узбекистанцев, что дало отрицательное saldo в 13,6 тыс. чел.

Надо отметить, что за последние пять лет в Республике Узбекистан принимаются меры различного характера по улучшению этой сферы, например Постановлением Кенгаша Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан от 20 ноября 2023 г. № ПК-622-IV «О вопросах совершенствования механизмов регулирования процессов внешней трудовой миграции» была принята Дорожная карта, где предусмотрены и инвентаризация действующих законодательных актов в этой области, и изучение опыта работы частных агентств по трудовой миграции, зачастую связанных с незаконной миграцией, и анализ процесса получения виз в зарубежные страны, и создание в республике моноцентров «Ишга марҳамат» с участием КОИСА, ЈИСА и др., и изучение зарубежного опыта, и многое другое, направленное на совершенствование многих процессов в этой сфере.

То есть в результате этой деятельности на работу за рубеж по адресному и набору при содействии Агентства по внешней трудовой миграции⁷ за 2023 г. уехали

⁴ Оргнабор мигрантов из Узбекистана в Россию уменьшился в 5,6 раза // Gazeta.uz. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/07/14/agency/> (дата обращения: 31.05.2024).

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 10.11.2022 № 2035 «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 6 октября 2021 г. № 1694» // Официальное опубликование правовых актов: [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211120003> (дата обращения: 31.05.2024).

⁶ Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 31.05.2024).

⁷ Агентство по внешней трудовой миграции: [сайт]. URL: www.mehnat.uz (дата обращения: 31.05.2024).

38,4 тыс. узбекистанцев. В первом случае сотрудники Агентства помогают с трудоустройством трудовых мигрантов как уже за границей, так и в республике, во втором — отбор осуществляют представители работодателей в Узбекистане.

Вопросы адаптации, интеграции, социальных установок и социального самочувствия мигрантов из Узбекистана, занимающих лидирующее место на российском рынке труда, требуют особенного внимания. Наше исследование сообществ мигрантов из Центральной Азии выявило, что эта группа испытывает наибольшие трудности с адаптацией в России. Мигранты из Центральной Азии сталкиваются с проблемами в области поиска жилья, занятости, переквалификации и карьеры, регистрации детей в детских учреждениях и доступа к образовательным и медицинским услугам, а также с низким уровнем доверия к социальным институтам и дискриминацией.

Более того, возрастные особенности молодежной группы трудовых мигрантов из Узбекистана также представляют определенный интерес в контексте межпоколенческих различий.

Обзор литературы

Относительно небольшой корпус исследований мигрантов из Узбекистана, который находит свое отражение в научной литературе, не в полной мере соответствует представленности мигрантов из Узбекистана на рынке труда России в целом и столичного региона в частности. Нельзя с полной уверенностью утверждать, что вопросы адаптации, интеграции, социальных установок и социального самочувствия данной группы широко изучены в научной литературе, особенно в межпоколенческом измерении, внутри молодежной группы узбекских мигрантов. Тем не менее стоит отметить ряд работ, содержащих результаты отдельных социологических исследований узбекских мигрантов в России. Так, например, А. С. Ващук и Г. Г. Ермак рассматривают миграцию из Узбекистана в Приморье [1]; А. В. Винокурова также на примере Приморья анализирует жизненные стратегии и повседневные практики семей узбекских трудовых мигрантов [2]; В. М. Пешкова на примере мигрантов из Узбекистана и Кыргызстана описывает инфраструктуру трудовых мигрантов в Москве [3]; А. Л. Рочева фокусируется на проблемах проживания мигрантов из Узбекистана в принимающем обществе [4]; И. В. Довгалёва уделяет внимание социальным проблемам и практикам адаптации трудовых мигрантов из Узбекистана [5]; В. И. Мукомель обращается к особенностям занятости высококвалифицированных трудовых мигрантов из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана на российском рынке труда [6]; А. А. Авдашкин рассматривает сообщество узбекских мигрантов на Южном Урале [7]; А. Резаев, А. Степанов, П. Лисицын анализируют особенности повседневной жизни женщин-мигранток из Таджикистана и Узбекистана в Санкт-Петербурге на основе изучения степени их интеграции в принимающее сообщество [8]; Е. М. Арутюнова, И. М. Кузнецов также рассматривают взаимоотношения мигрантов из Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и принимающего сообщества на примере Республики Саха (Якутия) [9].

Заслуживает отдельного внимания и ряд публикаций, выполненных в рамках качественной стратегии социологических исследований. Так, С. Н. Абашин на основе проведенных интервью анализирует некоторые аспекты возвратной мигра-

ции в Узбекистан [10]; Р. Уринбоев уделяет внимание цифровому измерению жизни узбекских мигрантов в России и формируемым ими посредством цифровых информационно-коммуникационных технологий транснациональным связям [11]; О. Е. Бредникова на основе проведенных качественных исследований трудовых траекторий мигрантов из Средней Азии, в том числе из Узбекистана, выделяет «мобильного субъекта», способного интегрироваться в одни сферы жизни и игнорировать другие [12].

Результаты этнографических исследований трудовых мигрантов в России и их семей в Узбекистане, содержащих важные выводы, в том числе о миграции как норме для молодых мужчин в Узбекистане, представлены и в ряде работ на английском языке, например [13].

Эти и другие публикации не только позволяют получить некоторое представление о миграции из Узбекистана в Россию, но и создают задел для последующих сравнительных исследований и публикаций, позволяющих сопоставить выводы, полученные разными авторами.

При разделении поколений внутри молодежных групп мы использовали методологию исследования Pew Research Center [14], согласно которой современная молодежь состоит из двух поколений — миллениалов, рожденных с 1981 по 1996 г. (поколение Y), и постмиллениалов, рожденных с 1997 по 2012 г. (поколение Z).

Важно отметить, что методология выделения молодежных групп, основанная на работах Н. Штрауса (N. Strauss) и У. Хау (W. Howe) [15], имеет относительную применимость в рамках социологических исследований и не претендует на всеобщее распространение, но она способствует формированию значимых выводов. Поколенческие характеристики находят отражение в материалах СМИ⁸ и публикациях за рубежом [16]. В России к поколенческому анализу молодежи прибегал, например, В. Радаев [17]. Помимо этого, в процессе изучения армянской молодежи были выявлены определенные межпоколенческие различия среди представителей армянской общины [18].

Методика

Опрос граждан Узбекистана проведен в декабре 2021 — январе 2022 г. в Москве и Московской области с использованием метода анкетного опроса. Опрос проводился непосредственно с помощью анкетеров в местах доступности респондентов — по месту осуществления ими трудовой деятельности либо прохождения обучения. В дополнение у респондентов также была возможность самостоятельного опосредованного заполнения анкеты онлайн по предложенной анкетером ссылке. Для увеличения охвата целевой группы ссылка на самостоятельное опосредованное прохождение опроса также размещалась в мигрантских, молодежных и студенческих сообществах в социальных сетях, а также чатах в мессенджерах. Выборка носила вероятностный характер, использовался метод целевого отбора, учитывались такие критерии, как наличие узбекского гражданства, прибытие в Россию после 2015 г., а также проживание в Москве или Московской области. Таким образом, исследованием были охвачены 222 респондента в диапазоне возрастов от 18 до

⁸ Martz Paulina. The Nostalgia Generation // The Observer. URL: <https://observer.case.edu/martz-the-nostalgia-generation/> (дата обращения: 31.05.2024).

40 лет [19]. Все ответы респондентов заносились в Google Forms либо с помощью анкетеров, либо самостоятельно респондентами, что способствовало формированию базы данных в реальном времени. Полученные данные впоследствии были обработаны с использованием программы IBM SPSS Statistics.

В данном контексте понятие «молодежь» применяется в более широком смысле — до 40 лет, хотя конкретные возрастные границы могут варьировать в зависимости от страны, организации и целей исследования.

Нижняя возрастная граница обычно устанавливается на уровне 14–16 лет, верхняя — между 24 и 35 годами⁹. Но возможны отклонения. К примеру, ООН прямо признает, что «универсального понятия нет» и предлагает считать молодежью людей в возрасте от 15 до 24 лет, отмечая, что иные возрастные рамки могут использоваться рядом ее собственных подразделений, а также в государствах — членах организации. В социологии молодежи существует несколько подходов к определению возрастных рамок объекта исследования. Помимо стратификационного подхода, представляющего молодежь хронологически ограниченной возрастом социально-демографической группой и используемого государством в нормативных документах, выделяются также интеграционный, субкультурный и социально-психологический подходы, которые не предполагают четких возрастных границ этого понятия. Молодежь как социальный конструкт в современных обществах предполагает подвижность ее возрастных границ с учетом социальных условий и характеристик социальной реальности. Но люди какого возраста считаются молодежью в Узбекистане? Законодательство Республики Узбекистан определяет молодежь как лиц в возрастной категории от 14 до 30 лет.¹⁰ Каждый год примерно 650 тыс. выпускников покидают учебные заведения страны, включая общее и специализированное среднее образование, из которых 160–165 тыс. продолжают обучение на бакалавриате в высших учебных заведениях. С учетом того, что экономика страны ежегодно генерирует свыше 300 тыс. новых рабочих мест, приблизительно 200 тыс. молодых специалистов начинают самостоятельный поиск работы, в том числе за пределами страны.

На начало апреля 2022 г.¹¹ общее число узбекистанских трудовых мигрантов за рубежом достигло приблизительно 2,4 млн чел., среди которых мужчины составляют 76 %, а женщины — 24%. Преимущественно из Узбекистана уезжают рабочие с низкой квалификацией и те, кто имеет среднее специальное образование.

Современные тенденции трудовой миграции из Узбекистана частично контролируются государственными органами, в то время как другие направления остаются менее организованными. По данным Международной организации по миграции, большая часть узбекистанских мигрантов прибывает в Россию, их число

⁹ Это определение, которое появилось в контексте подготовки к Международному году молодежи (1985 г.) (см. A/36/215), было одобрено Генеральной Ассамблеей в ее резолюции 36/28 (1981 г.). United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n81/165/85/pdf/n8116585.pdf?token=D81AG9qxtApKMm44A6&fe=true> (дата обращения: 31.05.2024).

¹⁰ Статья 3 Закона Республики Узбекистан от 15.09.2016 № ЗРУ-406 «О государственной молодежной политике» // Lex.uz. URL: <https://lex.uz/docs/3026250> (дата обращения: 31.05.2024).

¹¹ Миграционные процессы, проблемы и возможности регулирования трудовой миграции. Информационный Центр «Стратегия развития» от 09.10.2023 // Центр «Стратегия развития»: [сайт]. URL: <https://strategy.uz/index.php?news=1813&lang=ru> (дата обращения: 31.05.2024).

оценивается в 2 млн чел.¹² Однако в последние годы отмечается снижение миграционного потока в Россию, что связано с экономическими факторами, такими как введение экономических санкций со стороны западных стран и США, требование получения патента для работы от ФМС России, а также усложнение процедур регистрации.

В рамках нашего исследования для определения молодежных групп мы использовали методологию, основанную на теории поколений Н. Штрауса и У. Хау.

Трудности в проведении опроса были сопряжены с общим недоверием респондентов и нежеланием отвечать на вопросы, неполными ответами при прохождении онлайн-анкеты, помехами в коммуникации между анкетером и респондентам по причине языкового барьера.

Основные результаты

В анализе демографических данных молодежи-мигрантов из Узбекистана можно выделить, что большинство имеют профессионально-техническое (34,2%) и полное среднее (27,9%) образование. Высшее образование на уровне бакалавра имеется у 19,4% опрошенных. Специалитет или степень магистра получили 8,6%. Более того, почти половина (49,1%) прибыла в Россию без посредников, в то время как только 2,3% были привезены через организованный набор. Знание русского языка среди мигрантов в основном оценивается как достаточное (51,4%) и удовлетворительное (25,7%).

Причины миграции / сфера приложения профессиональных усилий. Возрастные различия внутри молодежной группы начинают проследиваться уже на уровне выявления причин, побудивших к миграции (рис. 1).

Для молодых мигрантов отсутствие возможностей для работы (23,7%) и перспектив на родине (22,6%) является ключевым стимулом для переезда в Россию.

Рис. 1. Распределение ответов на задание: «Назовите основные причины приезда в Россию» (в % от опрошенных по возрастам)

¹² Миграционные процессы, проблемы и возможности регулирования трудовой миграции. Информация Центра «Стратегия развития» от 09.10.2023 // Центр «Стратегия развития»: [сайт]. URL: <https://strategy.uz/index.php?news=1813&lang=ru> (дата обращения: 31.05.2024).

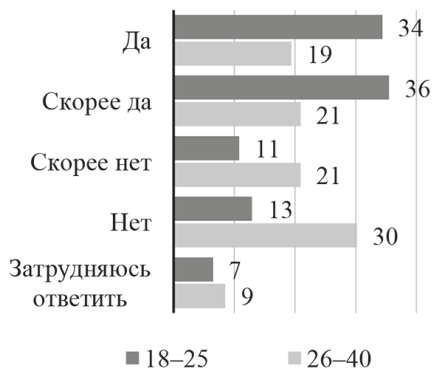

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Рассматриваете ли Вы для себя возможность вступления в межнациональный брак?» (в % от опрошенных по возрастам)

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Можете ли Вы представить ситуацию, что назовете своего ребенка русским именем?» (в % от опрошенных по возрастам)

В то же время для людей в возрасте от 18 до 25 лет критичной является проблема доступа к качественному образованию в Узбекистане (14%). Среди более взрослой категории мигрантов основными мотивами для переезда становятся низкий уровень доходов (45,7%) и отсутствие рабочих мест на родине (30,2%). Таким образом, младшее поколение стремится найти решение проблемы отсутствия перспектив, в то время как старшее — решить экономические трудности, такие как низкие зарплаты и безработица, уже на территории России. В возрастной категории от 18 до 25 лет больший процент постмиллениалов занят в секторе услуг и торговли, составляя 38,7 и 21,5 % соответственно, в то время как в возрастной группе от 26 до 40 лет эти показатели ниже — 27,9 и 17,8 %. В то же время среди миллениалов более старшая возрастная группа чаще работает в строительстве и на транспорте, с долями в 20,2 и 13,2 % против 8,6 и 6,5 % у молодежи соответственно.

Ценности и идентичность. Обычно различия между поколениями становятся заметными через призму ценностей и общественных предпочтений. В частности, отношение к межкультурным бракам и выбору традиционных имен для детей отражает эти различия в контексте социальной интеграции (рис. 2, 3).

Вероятно, в московском регионе мигранты из Узбекистана нового поколения, следующего за миллениалами, более склонны к мультикультурализму и менее придерживаются консервативных взглядов на поддержание национальной идентичности по сравнению со своими предшественниками. Большинство опрошенных молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет (69,9%, ответы «да» и «скорее да») открыты к идее межнационального брака, в то время как среди участников от 26 до 40 лет таких всего 40,3 %. Более того, более половины молодежи (53,8 %, ответы «да» и «скорее да») готовы дать своему ребенку русское имя, в сравнении с 39,5 % среди более взрослых респондентов. Постмиллениалы также чаще считают себя гражданами мира (18,3%), в отличие от 10,1 % среди возрастной группы 26–40 лет, и менее склонны ассоциировать себя с национальной принадлежностью (20,4 против 27,1 % соответственно) (рис. 4).

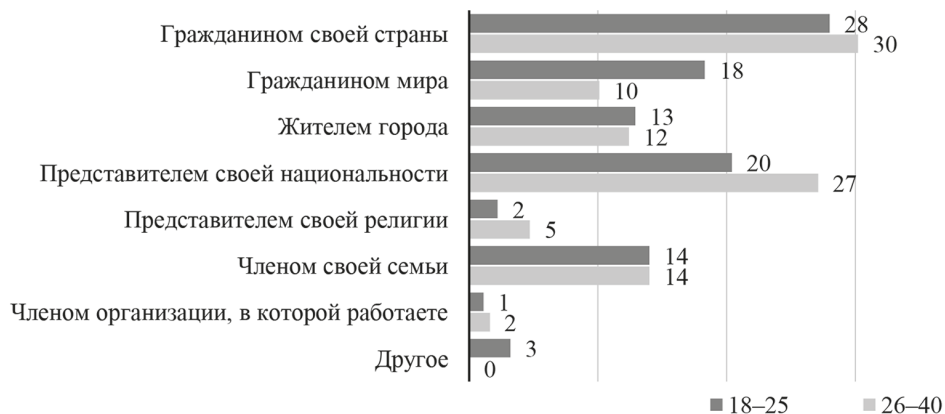

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Кем Вы себя ощущаете в первую очередь?» (в % от опрошенных по возрастам)

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Что из нижеперечисленного важно для Вас лично?» (в % от опрошенных по возрастам)

Исходя из всего сказанного, представляется вероятным, что такие взгляды будут характерны для нового поколения узбекских мигрантов, которые, переезжая в другие страны и вступая в контакт с новым обществом, проявят повышенную открытость и мультикультурные тенденции.

В контексте ценностей миллениалы чаще стремятся к построению стабильной семьи и воспитанию детей (31%), к уверенности в будущем (17,1%), а также к получению признания от окружающих (8,5%). В то же время более молодое поколение узбекских мигрантов предпочитает фокусироваться на накоплении богатства (25,8%), поиске увлекательной работы (17,2%) и ведении жизни в соответствии с принципами честности и справедливости (9,7%) (рис. 5).

Досуг и погруженность в информационный контекст. Еще одним пространством межпоколенческих различий в сообществе молодых мигрантов из Узбеки-

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Чем Вы занимаетесь в свободное от основной работы время?» (в % от опрошенных по возрастам)

стана в московской агломерации является пространство досуговых практик. Среди основных занятий узбекских мигрантов в возрастной категории от 18 до 25 лет наиболее популярными являются использование интернета (76,3%), прогулки на свежем воздухе (52,7%), посещение кинотеатров (47,3%), временная работа для дополнительного заработка (41,9%), самостоятельное обучение (37,6%), игра в компьютерные игры (28%) и хождение на театральные спектакли и концерты (18,3%). Миллениалы, в отличие от постмиллениалов, больше склонны к использованию традиционных видов медиа, таких как телевидение (40,3%), радио (14,7%) и газет (11,6%). Однако, несмотря на некоторые выраженные различия, в целом структура досуга у обоих поколений остается схожей (рис. 6).

Молодые узбекские трудовые мигранты в Москве менее склонны к посещению популярных среди соотечественников мест встреч; так, 41,3% лиц в возрасте 18–25 лет не посещают их, в отличие от 24,2% в возрастной группе 26–40 лет. Кроме того, молодежь 18–25 лет значительно реже смотрит телевидение, как узбекское, так и российское, при этом 57 и 33,3% соответственно из этой возрастной группы не смотрят его, в сравнении с 38,8 и 15,5% в группе 26–40 лет.

Оценка миграционной политики. Миллениалы чаще выражают желание вернуться на родину и подчеркивают важность создания благоприятных условий для этого со стороны узбекского правительства (45%). В отличие от них, постмиллениалы в большей мере склонны придавать значение помощи трудовым мигрантам, проживающим в России (50,5% считают это приоритетом). В целом можно предположить, что более молодые мигранты в большей степени мобильны и удовлетворены своим пребыванием в России, что находит выражение в более позитивных

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: «Какие настроения и чувства вызывает у Вас миграционная политика России и Москвы?» (в % от опрошенных по возрастам)

оценках миграционной политики России и Москвы по отношению к трудовым мигрантам из Узбекистана (рис. 7).

Можно сказать, что младшее поколение мигрантов чаще всего чувствует себя комфортно, проживая в России, что отражается в их положительном восприятии миграционных усилий России и ее столицы в отношении рабочих мигрантов из Узбекистана.

Обсуждение

Рассуждая о перспективах расширения ЕАЭС, уместным будет обратить внимание на ряд моментов, сопряженных с молодыми мигрантами из Узбекистана и их оценками интеграции. В целом молодые мигранты из Узбекистана одобряют создание ЕАЭС (75,2%) на пространстве бывшего СССР. При этом 18,5% затруднились с ответом, что может быть объяснено недостаточной информированностью об интеграционных процессах.

При этом респонденты рассматривают получение Узбекистаном статуса страны-наблюдателя в рамках ЕАЭС скорее как позитивное (43,7%). Что подобный формат интеграции отвечает интересам народа и страны, считают 27,9% узбекских мигрантов, декларируя таким образом однозначное одобрение интеграции. В то же время 16,2% затруднились с ответом, что указывает на существующую долю неинформированных либо индифферентных к этим процессам.

Более половины респондентов ожидают позитивных изменений в своей жизни от вступления Узбекистана в ЕАЭС (63,5%). Опять же, достаточно высока доля респондентов (23%), которые затруднились с ответом на данный вопрос.

Известно, что на пространстве Евразии одновременно разворачивается несколько интеграционных проектов и процесс интеграции в формате ЕАЭС может представляться неочевидным или менее привлекательным в сравнении с другими

опциями. Мы можем отметить, что ЕАЭС кажется перспективным и интеграционным направлением для 30,6% мигрантов из Узбекистана, в то же время 16,7% находят привлекательной интеграцию в формате Организации тюркских государств. Здесь важно оговориться, что это мнение мигрантов, выбравших Россию в качестве места приложения своих трудовых и профессиональных усилий, поэтому привлекательность ЕАЭС может оцениваться по умолчанию выше в силу сделанного выбора. Тем не менее оба интеграционных объединения одновременно кажутся перспективными 29,7% наших респондентов при 16,7% затруднившихся с ответом.

Миграционный опыт может стать частью образа жизни, что позволяет рассматривать миграцию как его неотъемлемую часть. Так, например, 47,3% наших респондентов считают первостепенным оказание психологической, социальной и экономической поддержки мигрантам со стороны руководства Узбекистана. На необходимость создания благоприятных условий для возвращения мигрантов на родину указали 41,9% наших респондентов. При этом, оценивая миграционную политику России, молодые мигранты давали ей удовлетворительные (34,2%) либо индифферентные оценки (35,6%).

Таким образом, во взаимодействии и координации между соответствующими субъектами миграционной политики России и Узбекистана в части создания благоприятных условий для мигрантов может быть обнаружен дополнительный потенциал повышения привлекательности интеграционного объединения в формате ЕАЭС.

Выводы

Наше исследование, проведенное в 2021–2022 гг., не просто описывает общее положение молодых мигрантов из Узбекистана в Москве и Московской области, а старается сконцентрироваться на поколенческих различиях в рамках одной молодежной группы в контексте ее жизни в этих регионах, а именно в разрезе поколений миллениалов и постмиллениалов. Известно, что различия между этими поколениями лежат в плоскости социально-политических и технологических факторов, хотя и отмечается их общее сходство, и что различия между ними не так очевидны, особенно в ценностных измерениях.

Наше исследование позволяет утверждать, что в группе молодых мигрантов из Узбекистана есть поколенческие различия, которые заметны не только в их отношении к жизни в московском регионе, но и в их оценке своего положения там. Поколение 18–25 лет чувствует себя лучше (у них больше возможностей для учебы, развлечений, занятий спортом, создания семьи, они реже испытывают страх). Постмиллениалы также легче справились с последствиями пандемии COVID-19, потому что для них главный вопрос — образование, а не доходы и поездки на родину (как для миллениалов).

Здесь будет уместным отметить, что, например, наше исследование армянской молодежи не обнаружило ярких межпоколенческих различий внутри молодых представителей армянской диаспоры в России [20]. Можно утверждать, что внутригрупповые различия среди молодых узбеков, проживающих в Московском регионе, обусловлены скоростью изменения социальных взглядов и ценностей среди молодежи, которая активно использует новейшие технологии. В отличие от них,

возрастная категория 26–40 лет до сих пор сохраняет некоторые традиционные взгляды, сформированные до эры распространения мобильного интернета и информационных технологий. Кроме того, для мигрантов в возрасте 26–40 лет, имеющих семьи за рубежом, обязательства по их содержанию играют значительную роль в определении миграционных целей и смысла пребывания в России. В то же время молодые люди в возрасте 18–25 лет стремятся получить образование и работу в России, и у них меньше желания возвращаться на родину.

В московской агломерации сообщество молодых трудовых мигрантов из стран — участниц евразийской интеграции неоднородно и имеет заметные различия в зависимости от поколения — миллениалов и постмиллениалов. Миллениалы имеют более традиционные и консервативные установки, а поколение 18–25 лет — более мобильная группа мигрантов, которая видит в миграции в Москву и Московскую область шанс получить новые возможности и образование, готовая вливаться в принимающее общество, отличающаяся мультикультурностью и более сильной связью с интернет-технологиями, что является одним из позитивных итогов интеграции в формате ЕАЭС. Миллениалы, наоборот, более консервативны, нацелены на возвращение на родину и видят в миграции прежде всего необходимую возможность заработка и поддержки семьи.

Литература

1. *Ващук А. С., Ермак Г. Г.* Трудовые мигранты из Узбекистана в Приморье: власть — мигранты — принимающее сообщество (начало XXI в.) // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2020. № 27. С. 194–210.
2. *Винокурова А. В.* Жизненные стратегии и повседневные практики семей узбекских трудовых мигрантов (на примере Приморского края) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 4 (43). С. 95–104.
3. *Пешкова В. М.* Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // Мир России. Социология. Этнология. 2015. № 2. С. 129–151.
4. *Рочева А. Л.* Исследование позиций «Карьеры квартиросъемщика» и моделей проживания в Москве мигрантов из Киргизии и Узбекистана // Социологический журнал. 2015. № 2. С. 31–50.
5. *Довгалёва И. В.* Социальная адаптация трудовых мигрантов из Узбекистана: результаты включенного наблюдения // Инновационная наука. 2015. № 10-2. С. 250–253.
6. *Мукомель В. И.* Высококвалифицированные мигранты из государств Средней Азии на российском рынке труда // Социологическая наука и социальная практика. 2021. № 4 (36). С. 186–204.
7. *Авдашкин А. А.* Узбекские мигранты на Южном Урале: между локальным сообществом и транснациональными практиками (2002–2019 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 6–12.
8. *Резаев А., Степанов А., Лисицын П.* Транснациональные мигранты в пространстве современного города // Социологическое обозрение. 2020. № 2. С. 254–275.
9. *Арутюнова Е. М., Кузнецов И. М.* Мигранты и принимающее сообщество: сходства и различия интеграционного потенциала (на примере Республики Саха (Якутия)) // Вестник Института социологии. 2021. № 2. С. 83–100.
10. *Абашинов С. Н.* Возвращение домой: семейные и миграционные стратегии в Узбекистане // Ab Imperio. 2015. № 3. С. 125–165.
11. *Уринбоев Р.* Создание «узбекского махалля» посредством смартфонов и социальных медиа: повседневная транснациональная жизнь узбекских мигрантов в России // Жить в двух мирах: переосмысливая транснационализм и транслокальность / под ред. С. Н. Абашина, О. Е. Бредниковой. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 442–481.
12. *Бредникова О. Е.* Мобильная занятость мобильного субъекта // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18, № 4. С. 705–720.

13. *Eraliev S., Urinboev R.* “What have you done, brother Putin?": Everyday geopolitics and Central Asian labour migration to Russia // *Central Asian Survey*. 2023. No. 43 (34). P. 1–20. <https://doi.org/10.1080/002634937.2023.2266519>

14. *Dimock M.* Defining generations: Where Millennials end and Generation Z begins // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/01/17/where-millennials-end-and-generation-z-begins/> (дата обращения: 31.05.2024).

15. *Strauss N., Howe W.* *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: William Morrow & Co, 1991.

16. *Petersen A.H.* *Can't Even: How Millennials Became the Burnout Generation*. Boston: Mariner Books, 2020.

17. *Радаев В.* Миллениалы. Как меняется российское общество. М.: Издательский дом ВШЭ, 2019.

18. *Киреев Е. Ю.* Армянская молодежь в России в период пандемии COVID-19 и политической нестабильности в Армении // *Социальная политика и социология*. 2021. Т. 20, № 3 (140). С. 87–98. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2021-20-3-87-98>

19. *Киреев Е. Ю.* Молодые мигранты из Узбекистана в московском регионе: поколенческие различия // IV Всероссийский демографический форум с международным участием: сб. тез. форума, Москва, 2–3 декабря 2022 года / отв. ред. Т. К. Ростовская. М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2022. С. 71–72.

20. Интеграция vs репатриация: социально-экономический потенциал армянской диаспоры России / под ред. Г. А. Погосяна. Ереван: Гитутюн, 2022.

Статья поступила в редакцию 28 февраля 2024 г.;
рекомендована к печати 4 июля 2024 г.

Контактная информация:

Киреев Егор Юрьевич — канд. социол. наук, вед. науч. сотр.; <https://orcid.org/0000-0002-5441-0430>, yegorkireev@gmail.com

Рахимова Муаттара Абдусаттаровна — д-р юрид. наук, проф.;
<https://orcid.org/0000-0003-1542-1425>, muattara161@mail.ru

Новикова Виктория Сергеевна — мл. науч. сотр.; <https://orcid.org/0009-0003-2845-0070>,
v1ctorr1a@mail.ru

Young immigrants from Uzbekistan in the Moscow region in the EAEU expansion perspective

E. Yu. Kireev¹, M. A. Rakhimova², V. S. Novikova¹

¹ Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 6, ul. Fotieva, Moscow, 119333, Russian Federation

² Tashkent State Law University, 35, ul. Sayilgoh, Tashkent, 100047, Republic of Uzbekistan

For citation: Kireev E. Yu., Rakhimova M. A., Novikova V. S. Young immigrants from Uzbekistan in the Moscow region in the EAEU expansion perspective. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, iss. 3, pp. 332–347. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.305> (In Russian)

One of the significant achievements of the ten-year functioning of the EAEU was the removal of barriers to labor mobility within the borders of the Union member countries. One of the countries that received the status of an observer country in the EAEU format was Uzbekistan. Migrants from Uzbekistan occupy a dominant position in the labor market of Russia and the Moscow region. The prospect of simplifying migration opportunities for working in Russia for citizens of this country raises the issue of studying this ethnic group in a new way, especially

in the context of the disproportion of available empirical data and the relatively small number of publications in scientific journals. In this article, based on a sociological study, the authors attempt to characterize intergenerational differences within the youth group of migrants from Uzbekistan who work in Moscow and the Moscow region. In addition, the authors assess the characteristics of integration processes in the EAEU format on the part of Uzbek migrants. The authors note the difficulty of conducting sociological surveys of this group due to the language barrier and the group's closeness to outsiders. The survey results indicate the presence of pronounced intergenerational differences within the youth group of migrants from Uzbekistan in the context of the reasons for migration, the scope of professional efforts, values and identity, leisure practices, and assessment of migration policy. The authors also conclude that young migrants from Uzbekistan generally approve of the integration of their country into the EAEU space, and the associated expectations for improving their lives. However, it is also noted that alternative formats of integration in Eurasia are highly attractive for young migrants.

Keywords: immigrants, youth, labor migration, intergenerational differences, EAEU.

References

1. Vashchuk, A. S., Ermak, G. G. Labor migrants from Uzbekistan to Primorye: Authority — migrants — host community (early 21st century). *Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Far-Eastern branch of the Russian Academy of Sciences*, 2020, no. 27, pp. 194–210. (In Russian)
2. Vinokurova, A. V. Life strategies and everyday practices of families of Uzbek labor migrants (on the example of Primorsky Krai). *Oikumena. Regional studies*, 2017, no. 4 (43), pp. 95–104. (In Russian)
3. Peshkova, V. M. Infrastructure of labor migrants in the cities of modern Russia (on the example of migrants from Uzbekistan and Kyrgyzstan in Moscow). *World of Russia. Sociology. Ethnology*, 2015, no. 2, pp. 129–151. (In Russian)
4. Rocheva, A. L. Study of the positions of “Tenant Career” and models of living in Moscow for migrants from Kyrgyzstan and Uzbekistan. *Sociological Journal*, 2015, no. 2, pp. 31–50. (In Russian)
5. Dovgaleva, I. V. Social adaptation of labor migrants from Uzbekistan: Results of participant observation. *Innovative science*, 2015, no. 10-2, pp. 250–253. (In Russian)
6. Mukomel, V. I. Highly qualified migrants from Central Asian states on the Russian labor market. *Sociologicheskaja Nauka i Social'naja Praktika*, 2021, no. 4 (36), pp. 186–204. (In Russian)
7. Avdashkin, A. A. Uzbek migrants in the South Ural: Between the local community and transnational practices (2002–2019). *Bulletin of the South Ural State University. Ser.: Social Sciences and Humanities*, 2021, no. 3, pp. 6–12. (In Russian)
8. Rezaev, A., Stepanov, A., Lisitsyn, P. Transnational migrants in the space of a modern city. *Sociological Review*, 2020, no. 2, pp. 254–275. (In Russian)
9. Arutyunova, E. M., Kuznetsov, I. M. Migrants and the host community: Similarities and differences in integration potential (based on the example of the Republic of Sakha (Yakutia)). *Bulletin of the Institute of Sociology*, 2021, no. 2, pp. 83–100. (In Russian)
10. Abashin, S. N. Returning home: Family and migration strategies in Uzbekistan. *Ab Imperio*, 2015, no. 3, pp. 125–165. (In Russian)
11. Urinboev, R. Creating an “Uzbek mahalla” through smartphones and social media: Everyday transnational life of Uzbek migrants in Russia. *Living in two worlds: Rethinking transnationalism and translocality* (pp. 442–481). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021. (In Russian)
12. Brednikova, O. E. Mobile employment. *Journal of Social Policy Research*, 2020, vol. 18, no. 4, pp. 705–720. (In Russian)
13. Eraliev, S., Urinboyev, R. “What have you done, brother Putin?": Everyday geopolitics and Central Asian labour migration to Russia. *Central Asian Survey*, 2023, no. 43 (34), pp. 1–20. <https://doi.org/10.1080/002634937.2023.2266519>
14. Dimock, M. Defining generations: Where Millennials end and Generation Z begins. Pew Research Center. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/01/17/where-millennials-end-and-generation-z-begins/> (accessed: 31.05.2024).

15. Strauss, N., Howe, W. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York, William Morrow & Co, 1991.
16. Petersen, A. H. *Can't Even: How Millennials Became the Burnout Generation*. Boston, Mariner Books, 2020.
17. Radaev, V. *Millennials. How Russian society is changing*. Moscow, HSE Press, 2019. (In Russian)
18. Kireev, E. Yu. Armenian youth in Russia during the COVID-19 pandemic and political instability in Armenia. *Sotsial'naiia politika i sotsiologiia*, 2021, vol. 20, no. 3 (140), pp. 87–98. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2021-20-3-87-98> (In Russian)
19. Kireev, E. Yu. Young migrants from Uzbekistan in the Moscow region: Generational differences. In: *4th All-Russian Demographic Forum with international participation: Collection of abstracts of the forum, Moscow, December 2–3, 2022* (pp. 71–72). Moscow, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences Press, 2022. (In Russian)
20. *Integration vs repatriation: Socio-economic potential of the Armenian diaspora in Russia*, G. A. Pogosyan (ed.). Yerevan, Gitutyun Publ., 2022. (In Russian)

Received: February 28, 2024

Accepted: July 4, 2024

Authors' information:

Egor Yu. Kireev — PhD in Sociology, Leading Researcher;

<https://orcid.org/0000-0002-5441-0430>, yegorkireev@gmail.com

Muattara A. Rakhimova — Dr. Sci. in Law, Professor; <https://orcid.org/0000-0003-1542-1425>,
muattara161@mail.ru

Viktoriiia S. Novikova — Junior Researcher; <https://orcid.org/0009-0003-2845-0070>, v1ctorr1a@mail.ru